

# Островский и Поволжье

27 апреля 1849 года А. Н. Островский писал в своем дневнике: «Из Шопши выехали в 6 часу. Дорога еще разнообразнее, еще лучше. Не доезжая до Ярославля верст за 8, открывается такой восхитительный вид—верст на 30 или больше во все стороны, что невольно расчувствуешься. Ярославль—город, каких немного в России. Набережная на Волге уж куда как хороша. Мы ходили с Николаем осматривать город, и особенно понравились нам набережная, липы, церковь Ильи Пророка и колокольня у собора. И все в одном месте. Хорош также бульвар, по которому с правой стороны от Волги идет Стрелецкая улица...», Островский рассказывает о своем посещении знаменитого педагога К. Д. Ушинского, жившего на этой улице.

В это время двадцатипятилетний Островский вместе со своими родителями в первый раз ехал в купленную его отцом усадьбу—Идельково. Зорким глазом он наблюдал все, что встречалось на пути: города, людей, природу. Замечательны свежесть и полнота каждого его впечатления. Его радует ямщик, «премильный малый, такая умная и веселая голова», он любит в Переславле на озере, «которое от ветру было похоже на огромное синее вспаханное поле». Ему кажется, что, начиная с Переславля, красивые становятся женские лица. С каждым ямщиком, с каждой девушкой хочется поговорить молодому драматургу, ненавязчиво впитывает он все впечатления бытия. Он восхищается расположением сел Овсяники и Рыбницы, говоря, что стоит из Москвы приехать, чтобы только на них взглянуть.

Кострому Островский застаёт еще не оправившуюся от пожара 1857 года... «Много хорошего спорело в Костроме»,— пишет он. И все-таки этот город глубоко восхищает молодого писателя. Вот «бульвар, далеко протянутый к Волге по нарочно устроенной для того насыпи. На конце этого бульвара сделана беседка. Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы еще не видали до сих пор. Мимо нас бурлаки тянули баржу и пели такую восхитительную песню, такую оригинальную, что я не слышал ничего подобного из русских песен». Картины природы восхищают Островского до слез, он даже говорит, что измучен чрезмерною силой переживаний.

Писатель соприкасается с северной русской природой, и ее жизнь ему понятна: «У нас зацвела черемуха, которой очень много возле дома, и восхитительный запах ее как-то короче знакомит с природой». Окрестности деревень Высоково и Сергеево и речек Мери и Сендеги вызывают такое восхищение Островского, что он сравнивает эти края «с лучшими местами Швейцарии и Италии».

В 1856 году Островский предпринимает путешествие другого рода. Он принимает участие в «литературной экспедиции», задачей которой было обследование и описание быта рыбаков и моряков. Ему досталось обследование Верхнего Поволжья, от истоков Волги до Нижнего Новгорода (Горького).

О большим увлечением берется Александр Николаевич за это дело, предчувствуя богатую добычу для своей драматургии. Но прежде всего в дневнике и в статьях для «Морского сборника»

он записывает свои наблюдения. В этих записях гораздо меньше воодушевления, гораздо больше конкретных экономических, социальных и бытовых наблюдений, больше критики, больше иронии.

Насмешливо рассказано в дневнике о тверском губернаторе, уверявшем, что в его ведении нет ничего достойного внимания и, видимо, напуганном появлением писателя как своего рода ревизора. Там же, говорит Островский, «купец Лавров, между прочими рассказами, уведомил нас, что в Твери страшные грабежи. Когда я спросил, отчего не слышать песен, он отвечал, что полиция гораздо строже смотрит на песни, чем на грабежи». Чрезвычайно досадно, что обильные путевые записи Островского были опубликованы лишь в самой незначительной части, а остальное затеряно. Нам известны только четыре главы из его статьи «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода». В них дается описание Твери (ныне Калинин), Городка (в древности Вертязина), Торжка и путешествия к истокам Волги.

Много вынес Островский из этой поездки для своей драматургии. Изучил он далеко не одно только купечество, чей затхлый уклад, чье дикое своеволие с такой силой он представил. Разве смелый мечтатель и исследователь, бедняк Кулигин, разве удалой бунтарь Роман Дубровин, разве сам Минин-Сухорук не явились в его драмах как плод глубокого изучения Поволжья?

С давних времен не столько ученые, сколько читатели и театралы—волжане проявляют живой интерес к «месторождению» отдельных драм Островского. Особенно это относится к «Грозе». О Торжке Островский записал, что там девушка пользуется большой свободой, а замужние женщины живут, как в затворе, а если где и появляются, то закутанные с головы до ног. Это напоминает положение Варвары и Катерины. В Вертязине находилась выходящая к Волге галерея, расписанная фресками, изображающими геену огненную и битву с Литвой. Это напоминает обстановку четвертого акта. Наконец, в 1860 году, когда появилась «Гроза», ее сюжет напомнил костромичам только что нашумевшее уголовное дело Клыковых.

На этом вопросе стоит остановиться. Ему в 1892 г. посвятил статью, напечатанную в «Костромской старине», Н. И. Коробицин. В этой статье подробно изложен ход запутанного и неразгаданного дела. Многие в нем очень близко к сюжету и к образам «Грозы».

10 ноября 1859 года из Волги было извлечено тело костромской мещанки Александры Павловны Клыковой. Бросилась ли она сама, или была задушена и потом брошена в воду, так и не было окончательно установлено, несмотря на долгое и тщательное следствие. Но ее тяжелое положение в семье мужа, ее бедность, грубая и хитрая свекровь, вялый и глуповатый муж, сверстница—золетка, намек на любовное увлечение Александры Павловны, замкнутый быт мелко-купеческой семьи— вот черты, имеющиеся в судебном деле и сильно напоминающие «Грозу».

Добавьте к этому, что дом Клыковых выходил на Волгу, что Кулигин мог декламировать оду Ломоносова на Муравьевке, и вся драма целиком вмещается в

рамки города Костромы. К тому же в эти годы Островский был довольно тесно связан с Костромой и о деле Клыковых мог хорошо знать. Однако во всем этом есть и другая сторона, которую Коробицин или не заметил, или обошел молчанием: дело Клыковых началось 10 ноября 1859 года и кончилось 21 марта 1860. А над «Грозой» Островский работал уже летом 1859 года, и она появилась в первом январском номере журнала «Библиотека для чтения» за 1860 год.

Что же, значит нет никакой связи между делом Клыковой и знаменитой драмой?

Нет, связь есть и даже более существенная, чем думал Коробицин. Перед нами очень интересный, далеко не единственный случай, бросающий яркий свет на значение того, что Энгельс называл типическими образами в типических обстоятельствах, и в чем он видел самую суть художественного реализма.

Обстоятельства и образы «Грозы» очерпнуты из гущи повседневной жизни, доведены одновременно и до крайней конкретности и до высшей степени философского обобщения. Поэтому вполне понятно, что в каждом поволжском городе оказывались не только свой бульвар над Волгой или овраг и сад, к нему выходящие, но своя Катерина, с ее томлящейся и мятежной душой и с ее трагической участью, своя Кабаниха с черствым и мертвым ее деспотизмом, свой Борис с его подбитыми крыльями, и свой Кулигин, последователь «ученой дружины», поклонник Ломоносова, человек с умом бесстрашным и устремленным вперед...

Островский с замечательной силой представил и гнет, и бесправие своей эпохи, и свежие силы, рвущиеся к жизни. В блестяще написанных ремарках к своим волжским драмам он изобразил и природу, которую чувствовал остро и сильно. Мы вправе поэтому называть Александра Николаевича Островского не только Колумбом Замоскворечья, но и Колумбом Поволжья.

А. ЧИЧЕРИН,

завед. кафедрой языка и литературы  
Костромского учительского института.